

© А.В. Мальгин

РУССКИЕ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ: ЧТО ЗА "АДАПТАЦИЕЙ"?

Появление большой монографии Н.П. Космарской «"Дети империи" в постсоветской Центральной Азии» – событие, безусловно, симптоматичное. Последняя крупная работа о "русских в ближнем зарубежье" появилась более десяти лет назад – книга П. Колсто (*Kolstoe* 1995), и хотя, конечно, всё это время ученые не стояли на месте, за прошедшее время мне не припоминается какое-либо большое и резонансное исследование на эту тему. Русские в ближнем зарубежье интересовали западных ученых приблизительно до середины 1990-х годов, поскольку многочисленная и внезапно появившаяся "русская диаспора", по аналогии с сербской, считалась источником потенциальной нестабильности на постсоветском пространстве. Затем, когда стало ясно, что случай Приднестровья – это исключение из правил, и что русские не спешат ни массово покидать территорию своих "новых родин" (во всяком случае в европейской части бывшего СССР), ни выступать с оружием в руках за "воссоединение с Россией", а последняя не разжигает их ирредентистские настроения, этот интерес иссяк. В России, естественно, он продолжал теплиться, главным образом в форме поиска ответа на вопрос: "Что нам делать с соотечественниками?", и принял вид своеобразной дискуссии между, как их называет Н.П. Космарская, "миграционистами" и "интеграционистами".

Первые, главным образом национально мыслящие политики, отстаивали (и продолжают это делать) принцип активного участия российского государства в делах и судьбах этих самых зарубежных "соотечественников", поддержки их идентичности и обеспечения возможности их репатриации, вторые – представители, как правило, либеральных кругов, советовали оставить русских в покое, не создавать для них же самих проблем с их новыми национализирующимися "родинами"; максимум – отвечать на культурные запросы, но не участвовать в процессах их политической консолидации.

Государство всё это время мудро на словах поддерживало первых, но действовало, скорее, как предписывали вторые (ибо никакого смысла и никаких ресурсов для проведения какой-либо иной политики у него не было). Сам пафос и содержание этих политических и отчасти академических дискуссий мотивировались почти целиком внутрироссийской политической ситуацией, так что не будет большим преувеличением сказать, что реальное положение "соотечественников" мало кого интересовало. В этом смысле монография Н.П. Космарской знаменует собой действительный прорыв – это работа, предлагающая посмотреть на то, что же на самом деле происходит с "детьми империи", и уже затем отвечать на вопрос: "Что нам с ними делать?". Сам автор, не скрывающий свою принадлежность к "интеграционистам", стремится раскрыть перед нами картину постепенного, противоречивого и в целом сложного процесса адаптации русских в ближнем зарубежье к новой политической реальности "национализирующихся" (по терминологии Р. Брубейкера) постсоветских государств. При этом в качестве примера берётся один из "экстремальных" случаев – случай Киргизии, подразумевающий, что в других местах процессы адаптации оставшихся русских (за некоторыми исключениями) проходят более благополучно.

Почти 600-страничная монография представляет собой впечатляющий "замер" самых разных аспектов жизни русских и вообще "европейцев", как их здесь называют, в

акаевской Киргизии, но все же научному сообществу будет более интересна ее концептуальная сторона. Автор утверждает, что "оставшихся русских" не вполне корректно представлять "диаспорой", поскольку они связаны со своим нынешним экономическим, политическим и в чем-то даже культурно-бытовым контекстом больше, чем с родиной происхождения – Россией, и не зафиксированы, как об этом можно было бы подумать, на своей "этничности". Русские ближнего зарубежья находятся "у себя дома", и относиться к ним (в том числе изучать их) следует именно исходя из этой позиции, а не конструируя из русских некую монолитную и противостоящую титульным группам "диаспору".

Думается, основные дискуссии по книге Н.П. Космарской и развернутся вокруг степени "диаспоральности" новозарубежных русских, а равно и самого понимания термина "диаспора".

Русские в ближнем зарубежье, к каковым принадлежит и автор этих строк, действительно не любят, когда их называют "диаспорой" (хотя и по несколько иной причине, нежели считает Н.П. Космарская), однако мне бы хотелось избежать терминологических споров, столь обычных для этнополитологии. Гораздо более важным, на мой взгляд, является освещение того, в какой степени происходит (и происходит ли в действительности) адаптация русских к реалиям своих "родин"?

При всех сложностях, с которыми пришлось столкнуться оставшимся русским, как считает автор книги, есть масса данных, позволяющих утверждать, что русские нашли свое место в политической структуре новых национальных государств и даже в перспективе не представляют собой потенциальной "пятой колонны". Анализируется целый ряд параметров, в частности, степень включенности "некоренных" групп в рынок, их социальный статус; уровень реализации культурных потребностей и т. д., позволяющих оценить степень интеграции "русскоязычного", "европейского" населения в реалии новых независимых государств. В основной своей массе русские стремились к такой интеграции и в целом (разумеется, в той или иной степени) это им удалось. Работа Н.П. Космарской довольно убедительно подтверждает этот тезис; у меня нет оснований сомневаться в приведенных ею данных по Киргизии, однако я могу в целом подтвердить то же по Украине.

При всех сложностях адаптация русских к новым украинским реалиям успешно осуществлялась в течение всей второй половины 1990-х – начала XXI в. Однако не только, а, может быть, даже не столько глубина анализа и широта охвата материала делает работу Н.П. Космарской без преувеличения знаковым явлением в изучении русских в ближнем зарубежье, а то обстоятельство, что эта работа вышла удивительно вовремя, потому что схваченная автором реальность... начинает меняться на наших глазах.

Интеграция часто представляется нам как некий конечный процесс, между тем как в действительности это нечто напоминающее "постоянный референдум" Э. Ренана. При этом не остается неизменным не только состояние тех, кто желает адаптироваться, но и среда, к которой эта адаптация осуществляется. Проблема адаптации русских вольно или невольно представлялась многим наблюдателям как проблема прежде всего самих русских. Между тем мир, в который они стремились интегрироваться, сам представляет собой чрезвычайно подвижную среду. Возьмем, к примеру, Украину. Можно с уверенностью сказать, что адаптационные процессы успешно осуществлялись здесь до 2004 г., но ситуация "оранжевой революции" серьезно изменила весь политический контекст этих процессов. Федералистские движения на юго-востоке, антиНАТОвская активность в Крыму и других регионах, вновь обострившаяся проблема русского языка и как следствие рост активности местных русских (здесь их называют "пророссийскими") организаций – все это, похоже, не рецидивы прежних трудностей, а новые явления, порожденные переходом молодых национальных государств из "постсоветской" стадии своего развития в какую-то новую. Режим Л. Кучмы был ориентирован, как и большинство постсоветских правящих режимов в странах

СНГ, на строительство в большей степени "политической", нежели этнонации, и именно поэтому "нетитульное" население было склонно его принять, но захочет ли новая политическая элита следовать по тому же пути? Этот вопрос влечёт за собой и другой – не будет ли в новых условиях "адаптация" для русского населения означать уже нечто другое?

Пока еще слишком мало данных для того, чтобы делать здесь какие-либо категоричные выводы, но и оснований для оптимизма тоже не так много. То же самое, думаю, верно и для объекта рассматриваемого исследования – так хорошо описанные и проанализированные Н.П. Космарской адаптационные практики – явление акаевской Киргизии, но будут ли они сохраняться в Киргизии, пережившей "революцию тюльпанов"? Боюсь, что грядущие десятилетия не подтвердят наших представлений об их устойчивости. "Цветные перевороты" (а также другие явления глобального порядка, например, рост влияния "политического ислама") серьезно изменили многие "правила игры", успевшие сложиться в новых независимых государствах, что, несомненно, повлияет и на наши представления об успешности уже примененных "нетитульным" населением "адаптационных практик".

То обстоятельство, что кто-то уезжает, а кто-то остается и долгое время не протестует, еще не свидетельствует о том, что оставшиеся смогли адаптироваться. Долгое время источником головной боли для Израиля была палестинская эмиграция, а не оставшиеся в Эрец-Исраэль арабы, которых их бежавшие соотечественники третировали как соглашателей. Сегодня ситуация совсем иная... Если говорить о русских в ближнем зарубежье, то следует иметь в виду еще одну тенденцию. Определяющим в их самоощущении последние 15 лет был фактор слабости и в определенном смысле слова "униженности" России, теперь же мы можем только предполагать, как на новые адаптационные практики будет влиять рост её экономического и политического могущества. Думается, в ближайшие годы наши представления о характере и пределах адаптации "нетитульного", прежде всего русскоязычного населения в постсоветских государствах могут серьезно измениться, и в этом смысле монография Н.П. Космарской – это нечто большее, чем просто ценное исследование ситуации в одном из ареалов "нового русского рассейния". Она являет собой своего рода "подведение итогов" определенного исторического периода, за которым наступает уже совсем иная эпоха.

© В.И. Мукомель

"КТО МЫ? ОТКУДА МЫ? КУДА ИДЕМ?"

Плохая работа раздражает. Хорошее исследование способно вызвать снисходительный отклик: все верно, все созвучно. Очень хорошее, – а книга Н.П. Космарской является, безусловно, таковой – вызывает всплеск эмоций и вопросов (хотя по части эмоций, бьющих у автора через край, с Натальей Петровной трудно конкурировать).

Согласно негласной традиции, начну с позитива. Полагаю, наиболее сильная сторона исследования – его многогранность ("стереоскопичность взгляда" в авторской интерпретации) и четкость позиции. Способность автора оценивать ситуацию в ее историческом контексте, видеть полутона, одинаково свободно анализировать социальные трансформации, экономические пертурбации, социально-психологические сдвиги